

Александр Дорошенко

Русский модерн в Городе*

V

Над головой

Переулок Чайковского, № 14, 1844 год**

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой,
Он крутится-вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть.***

* Окончание. Начало в кн. 65.

** Прорись приведена по книге «Балконы Одессы». – Одесса, 2012 год.

*** Старая еврейская песня, исполняемая на идиш. Без голоса Утесова это все не то и не так – как он это слово, «кавалер», произносил! Какая барышня не согласилась бы украсться?! (Прим. автора)

В высоте вторых этажей старых домов висят балконы. Они основательны, уютны и покоятся на изящно завитых кованых усиках-кронштейнах. «Одесса город балконов»*.

Когда-то балкон, или галерея, открывались только внутрь дома, в дворовое его пространство, во внутренний двор, а наружные стены были высоки и глухи, как крепостная стена. Так выглядели города и улицы древнего Востока и во многом так выглядят они там и сегодня. Тот, кто впервые шагнул сквозь глухую стену дома в высокое уличное пространство, был гениален и смел. Он шагнул в Европу, в нашу нынешнюю культуру.

С тех времен балконы прожили долгую и содержательную жизнь, они изменяли ширину и глубину, становились лоджиями и эркерами, превращались в многоярусные этажерки... В разное время различны были вкусы у горожан. На домах середины XIX века кронштейны, поддерживающие балконы, выполнены плавной дугой, сопряженной с кольцом в середине, касающимся стены и балкона. Таких много балконов на Преображенской, Еврейской, Пастера. Но есть и смелее рисунком – только одна высокая дуга несет на себе балкон, а в нижней, пристенной части она свернута в напряженную пружинистую спираль. Кронштейны эти, как рессоры у экипажей, – легки, невесомы, надежны.

Лучший балкон есть на Приморском бульваре, в третьем от Думской площади доме с дворцовой высотой двух этажей – он висит на выкованных лентой опорах, у него чугунная решетка с простым узором меандра.

Рисунок балконных решеток разнообразен. Они так различны, их обдумывали с любовью. Легкие, невесомые, сотканые из паутины кронштейнов с лебедиными шеями и невесомой легкостью решеток. Как раскрытая ладонь, бережно несущая в высоте своих обитателей...

Над проездными воротами дома номер 34 по Новосельского висит балкон, решетка которого вся в гирляндах кованых роз. Они, стебли роз, вырастают из открытого рта сатиров... Кто-то это заказал, еще кто-то нарисовал, и мастера так выковали эту решетку. Сегодня первый этаж заботливо приводит-

* Юрий Олеша. Первое мая.

ся в порядок. Вымазывают его стены светлой краской и установили ворота в проезде – глухие-глухие, а над ними (между воротами и этим балконом), сделали навершие из прорезного листа металла...

Была когда-то в Городе романтическая профессия – фонарщик. В 1866 году установили на центральных улицах сразу 1420 газовых фонарей, а позже так осветили несколько улиц в предместьях. Фонарщики вели ночную жизнь, полную света и ночных теней... гулко звучали торопливые шаги ночных прохожих, летели на свет этих фонарей бабочки и мошкара. В городе с такими уличными фонарями иначе смотрится луна и ночные коты...

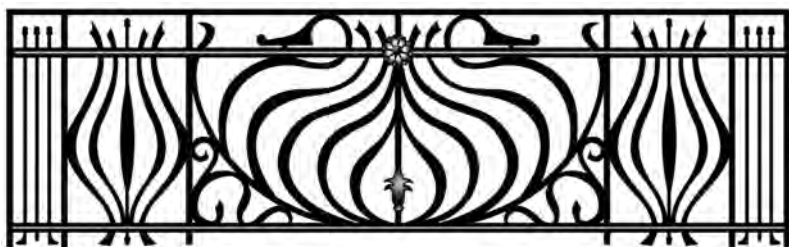
Но и любовное письмо можно было прочесть, подойдя к фонарю, и правильно читать любовные письма именно в свете таких фонарей...

Великое множество в Городе труб, теперь редко дымящих. А когда-то под вековыми шапками сахарноголового снега они весело дымили, и по виду дыма можно было определить, что там сегодня готовят к обеду, зайти сюрпризом в гости.

И еще была в Городе романтическая профессия – трубочист... Было в те поры с кем целоваться принцессе и о ком писать Гофману.

Они, трубочисты и фонарщики, вели разновременную жизнь, ночью одни, днем другие, общим у них были коты, ночная и крышная порода (и, вероятно, женщины, но ведь можно было вымазаться сажей, любя трубочиста...).

Крыша, темная синь неба, турецкий профилем месяц, труба, на ней кот. Он рядом с луной и, протянув лапу, может покачать ее, поиграть, как с мышкой... Вот прошуршала летучая мышь, и кот злобно фыркнул ей вслед (это ведь против всяких правил, чтобы летала, а не бегала мышь, и уж если вам вздумалось иметь летучих мышей, то и коты тоже должны быть летучи! Но и собаки тоже – вот красота была бы – прогуливаетесь вы, а на поводке над вашей головой порхает любимая собака! У разных собачьих пород была бы особая повадка летать. Самая красивая, конечно же, – у пуделя!).

Русский модерн. Переулок Чайковского (Театральный), № 10, архитектор Л.М. Чернигов, 1905 год
Решетки балконов одного дома*

* Этот текст является предисловием автора к книге «Балконы Одессы», издатель ФЛП «А.С. Фридман», 2012 год. Прорисы решеток взяты из этой книги.

И можно было в те годы определить завтрашний день: если кот от луны слева, а дым между ними и вертикален – это к удаче, ну, если справа – главное здоровье, а это пройдет.

Как теперь определяться, не приложу ума!

VI

Смутная, чудная музыка...

Светлой памяти наших лучших архитекторов и инженеров, подаривших нам музыку городского пространства:

Франца Сент де Волана

Л.М. Чернигова	Э.Б. Вей
Л.Л. Влодека	А.С. Панпулова
К.О. Даллаква	Г.Ф. Лонского
Франца Боффо	Ф.Л. Паппе
Н.К. Толвинского	Н.И. Розетти
Дж. Фраполли	Ж.Л. Гофмана
Д.Е. Мазирова	П.В. Апышкова
С.И. Хоржевского	Ц.Э. Зелинского
Н.Н. Черкунова	И.Ф. Яценко
Л.В. Камбиаджио	Ф.А. Троупянского
Л.Ц. Оттона	инж. П.О. Заварзина
Дж. Торичелли	Н.Н. Черкунова
Ф.О. Моранди	В.И. Прохаски
К.М. Попова	П.Л. Славкина
О.С. Шашина	П.У. Клейна
В.Ф. Мааса	Д.В. Талежинского
Ф.В. Гонсиоровского	А.Э. Шейнса
А.О. Бернардацци	Х.Г. Бейтельсбахера
Е.Н. Смидовича	Л.Ф. Прокоповича
И.С. Козлова	А.В. Юргевича
инж. И.И. Круга	Э.Я. Мэснера
В.И. Шмидта	М.И. Линецкого
инж. М.И. Богданова	Я.М. Пономаренко

В.И. Кундерта
А.Б. Минкуса
С.А. Ландесмана
М.Г. Рейнгерца
Б.А. Бауера
А.А. Дигби
В.Ф. Харламова
инж. И.А. Крестинского
И.А. Моргулиса
инж. Х.Я. Скведера
инж. Л. Розена
Ш.Е. Каменецкого
Ю.М. Дмитренко
С.С. Гальперсона
В.А. Домбровского

Ф.П. Нестурха
Я.С. Гольденберга
В.М. Кабиольского
Вейсмана
И.А. Жуковского
А.К. Вейтко
Ю.И. Серадзского
Л.И. Весселли
инж. С.И. Миловицкого
инж. Д.А. Корницкого
А. Нисса
В.И. Шмидта
А.И. Гольцврума
Ю.Л. Дюпона
Р.Л. Радбиля

Из чего можно сделать прерию –
Из пчелы и цветочка клевера –
Одной пчелы, одного цветка –
Но, если там не растут цветы, –
Хватит одной мечты.

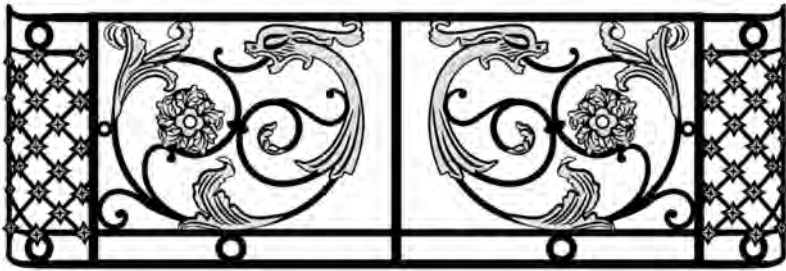
Эмили Дикинсон

VII

«Одесса город балконов»*

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

* Юрий Олеша. Первое мая.

Маразлиевская, 20, арх. Л.Л. Влодек, 1890-е гг.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему.

Георгий Иванов

Архитектор Леонид Чернигов, когда обдумывал рисунок этих решеток, слышал музыку. Она доносилась из Оперы и пронизывала все пространство Театрального переулка, узкого, высокого и длинного... Пространство вибрировало, задевая душу беспечно-го путника, шедшего прозрачным вечером или солнечным утром, или глухой осенней ночью Театральным переулком, и музыка была различной – в зависимости от времени дня, от времени года, времени возраста и направления пути.

Как торжественно звучит этот мотив, как возвышает душу, как успокаивает наболевшее сердце...

Возникновение языка, как отмечают современные лингвисты, является загадкой. Его появление не обусловлено требованиями эволюции. Для нашего убогого обихода тогда, много тысячелетий назад, когда у нас еще не отпал хвост, и сегодня, когда он начинает отрастать вновь, такой язык, такая невысказанная сложность речи не востребована и не нужна. Она не мотивирована и не оправдана скудностью нашего бытия. Ее оставили в наследство, и теперь вполне очевидно – не нам!

Мы это чужое наследство промотали.

Зрение человека активно. Глаза ощупывают, охватывают, освещают мир и вводят его внутрь. Глаза читают написанное и озвучивают немые слова. Наши глаза, как руки музыканта на клавишах – глядя на изображение, на форму, они рождают мелодию, главную музыку нашего земного бытия.

Эта музыка у каждого дома своя. Она своя у каждой нашей улицы, у каждой балконной решетки и даже у неповоротливых тумб, позабытых у въездных ворот. Когда ты идешь по городу, мелодия меняется и, повернув за угол, ты изменяешься вместе с ней. Поэтому есть улицы, где нам уютно и хорошо, и есть, куда мы редко сворачиваем, которые, не задумываясь, обходим.

Это язык, который нуждается не столько в расшифровке и понимании, сколько в любви. Это письмо нам, потомкам, разучившимся читать.

Это признание в любви, но такое признание требует ответного чувства.

Первые города возникли в начале наших времен, их строили шумеры в Месопотамии и египтяне на севере Африки. Самым первым был город Иерихон на Ханаане, созданный за десять тысяч лет до новой эры. Конечно же, такая древность и ветхость, как стены Иерихона, вполне могла рухнуть даже от пения вторгшихся диких еврейских племен. Тем более что в пении этом металлом звучал голос Бога.

Первые города людей были «глухими». Каждый дом был окружен глухими стенами, без окон. Это был замкнутый объем, отгораживающий наглухо внутреннюю жизнь человека, дом-крепость, и такие дома стояли в ряд, вдоль улицы, а улица была узкой меж ними щелью. Это легко понять, рассматривая остатки фундаментов раскопанных городов библейских времен.

Без окон, без дверей... так начиналась наша общественная жизнь, жизнь горожан. Человек человеку... но волки ведь идут стаей!

Не знаю, когда человек впервые прорубил стену своего дома и выглянул во внешний мир, любопытствуя, что там и как. Это было окном в мир людей. Именно это и определило появление Го-

рода, городской среды и новой человеческой общности – горожан. Потом человек расширил окно, превратив его в дверь, и шагнул во внешний мир, к людям. Так впервые родился балкон.

Балкон это символ доброжелательства, это приветствие путнику, идущему нашими городскими улицами. Это выход в городское пространство, не в магазин, не на торг, не на работу, название и суть которой нацело выражены словом-корнем «раб», но к празднующимся людям, это символ беспечности и доброты.

Наш Город благожелателен, он город балконов, и каждый из них протянутая приветствием рука! Подними голову, и ты увидишь множество приветствующих тебя рук. Именно тебя, ведь те, кто создал эти балконы, давно покинули жизнь, и рассчитывать они могли только на тебя, случайного и неведомого им человека новых времен, кем бы ты и каким бы ты ни был. Постой, оглянись вокруг и пойми – еще никогда никакого самого известного президента, а в прошлом самого-самого короля из королей, так не встречали горожане, как сейчас тебя, но короля-то ведь играют подданные, и ты теперь этому, этой встрече, этим взмахнувшим в приветствии рукам должен соответствовать!

И если когда-нибудь ты остановишься не у магазина или кофейни, но удивленный и обрадованный увиденной красотой – балконной решеткой, ковкой ворот, лепниной карниза, затканной смеющимися над тобой крылатыми ангелочками, или попросту въездной тумбой, – вот с этого самого момента ты свой, ты здесь в Городе свой, и это неважно, откуда пришел и как долго ты прожил уже в нашем Городе.

Странные все же люди жили когда-то в Городе. Строили они в его центре доходные дома, пересчитывая загодя дивиденды. Понятно, что там и тут, тогда и сегодня, сотню лет назад и в наше безвременье, эта нехитрая математика была проста и надежна – чем меньше вложишь, тем больше окажется прибыль.

Почему же они это делали, наши, твои и мои, предки? Почему тратились на украшение дома, на ковку решеток в воротах домов, в оградах Французского бульвара, в висящих над пространством и глубиной улиц балконах? Ведь так понятно: отхватил место, огородил участок глухой стеной, чтобы не лезли глазами – и порядок.

Такая прозрачная невесомая решетка, она ведь не защищает, она не отторгает нескромного соглядатая, но приглашает его к себе, в глубину своего пространства и времени, она манит и привлекает красотой и любовью...

Странными людьми были наши предки!

Орнамент сохраняет следы своего происхождения, как разыгрываемый кусок природы, живой, растительной, степной... какой угодно, национальный или варварский, – он говорящ, видящ, деятелен.

О.Э. Мандельштам

Шло время, изменялся мир, изменялись люди, или так им казалось, что они изменяются, появлялись и умирали новые стили и не вполне стили, и все это отражалось в их оттиске на камне и металле, в тени, так легкой на стену здания, и это разная была тень, даже и одного человека, в его детстве, юности, молодости, зрелости, а старость отражается только страхом в глазах.

Так это все проявлялось во вкусах и предпочтениях горожан. Псевдоклассицизм сменила эклектика, смесь прошлых времен и растерянности сегодняшних. Архитектор рисовал Город, создавал здание, учитывая характер улицы, вид рядом стоящих домов-соседей, среди которых предстояло поселиться его детищу, нарядную кованость решеток ворот и балконов, удерживая цельность городской среды и гармонию городского пространства.

Решетки первой половины XIX века в Города это отзвук и отблеск мировой классики, от (*псевдо-псевдо*) барокко и готики до мавританского стиля. Город был молод, сдержан и строг. Он строился в торжественной тишине, но предстоящее уже ощущалось, и строившие стремились ему соответствовать. Вглядываясь, они видели встающие стены чудесного города и строили его для своих потомков.

Ах, эти первоначальные городские решетки – прозрачная невесомость овалов и пик, вьется по краю меандр, ритмируют пространство очаровательно вытянутые овалы и катятся двой-

ные концентрические круги, чугунные неостановимые кольца, на которых мы отправились в долгий путь к счастливой жизни в самом красивом городе на земле. Эта колесница отправилась с Приморского бульвара, развернулась на Пушкинскую-Итальянскую и покатила, сворачивая на всех углах, любопытствуя, как это будет, каким станет наш Город.

Вторая половина века сохранила регулярность кованого узора. Но его строгость нарушилась, рисунок теперь перегружен деталями и часто избыточен. Решеток становится больше, они приобретают массовость, и это сказывается на упрощении стиля. В рисунке господствует симметрия, основанная на многократной повторяемости исходного элемента. Основные композиционные «кубики» представляют собой повернутые друг к другу волюты и сердечки, пронизанные во всех направлениях пиками. Тузы, пики, червы, крести – вся карточная рать вышла на наши балконы.

Вот бедное сердце, пронзенное стрелой, и из него капает с балконной высоты кровь.

Но симметрия означает тупик, остановку и накопление сил для нового рывка.*

В конце XIX века решеток уже великое множество, они стали дешевле и демократичнее, и поэтому во многом утратили индивидуальность. Любимые в Городе балясины теперь перебрались с козырьков крыш на решетки балконов и, утратив очаровательную полноту, стали прозрачнее и невесомее. Как нарядные модницы, упершие руки в бока или дружно взявшиеся за руки в танце.

Масса сердечек, сияющих праздничной красотой или отраженных вертикально, опрокинутых в обмороке, связанные полуолами волют, и все это в кокетливых завитках-усиках, как ползущие по стене дома виноградные лозы. Дуги, одиночные или парные, перевернутые, в виде лодочек, пальметты и многолистники –

* Интересно отметить, что симметрия полностью господствовала на зданиях и строениях двух тоталитарных режимов – гитлеровского в Третьем рейхе и сталинского у нас, в советской империи, – симметрия, детище убогости и внутренней пустоты, пропитанной страхом для одних и желанием подавлять для других.

великое и малоотличимое многообразие рисунков и форм. Но может быть, это вовсе и не виноградные усики, а смеющиеся удивленные рожицы-человечки – усик сверху и к нему парный, симметрично отраженный, усик книзу и к нему второй усик... И часто по центру решетки балконной в такое сердечко вплетены инициалы владельца и год рождения дома.

Эклектика неизбежна, в ней всего понемногу и отовсюду. Мастера сменяют дилетанты, их множество, и созданное Мастером они растаскивают в свои бесчисленные поделки. Это не плагиат и даже не бессилие, это неуемная жажда жить и проявляться в жизни.

В 1880-х на балконных решетках появляются большие и цельные прямоугольные элементы (пласты) с центрально-симметричным узором. Это позволило смягчить мелочность членения, монотонность и навязчивую повторяемость узора. В решетки теперь вплетаются изобразительные элементы, литые и штампованные, среди них маски и листья. Такая решетка висит над въездными воротами дома по Новосельского, 34. Сатир, широко раскрывший рот, из которого растут ветви, полные листьев и расцветших роз, а среди них прячутся смешные рожицы то ли растений, то ли человечков. И все это на строго геометричной кованой надежной решетке, с жесткой прямолинейностью устойчивых сочленений.

К концу века решетки стали строже, геометричнее, просторнее и шире. В рисунок вплетается жесткая ромбовидная плетенка, иногда заполняющая все поле решетки и смягчаемая понизу или в углах причудливыми овальными формами. Такие прямоугольники, жестко выделенные, обособленные, несущие особый узор – они как родовой герб, как флаг на конце рыцарского копья, и кажется, что он слегка колеблется на ветру в балконной высоте дома.

На короткое время на фасады зданий пришел псевдорусский стиль, с кокошниками и матрешками, смесь Садко, заморского гостя и салонной приторности. Существовал он недолго, оставив странное чувство неосновательности, дамской выдумки и неуемной нарочитости.

Рождение новых форм пришлось на начало XX века. Из этой смеси, из напряженного поиска цельности и новизны, но, главное, меры родился стиль модерн и охватил все, как последний у человечества стиль – одежду, прически и украшения женщин, силуэты мужчин, рисунок оконных рам, но главное – форму, рисунок и цвет.

Он был универсален, стиль русский модерн, пришел, как водится, иностранцем, с Запада, обрусел, существовал недолго, охватил рубеж веков XIX-го и XX-го, конец эпохи надежды и начало самого страшного столетия человечества. И даже в этом коротком промежутке времени модерн стремительно изменялся – слишком долго мы ожидали появления стиля, слишком много нас было тогда, ищущих и способных найти, слишком напряженным было время, в единицу которого теперь укладывалось невероятно многое. Стиль модерн чувствовал, что жить остается малое время, и спешил жить.

Это был последний стиль человечества, и затем, на следующее столетие, он сменился рывками находок и откатов назад, компиляцией и неспособностью ощутить и выразить цельность. Для цельности видения надо обладать цельностью мира. И то сказать, надо ведь иметь спокойный промежуток времени, пусть даже недолгий.

В этих решетках появилась асимметрия как основной принцип развития. Овалы, напряженные страстью к расширению, сдерживаемые боковыми порывами...

В последние годы существования модерна, в первом десятилетии XX-го века, в нем проявилась боль времени, предчувствие войн, разорения всего, что было, и острое чувство предстоящей смертельной опасности. Появились жесткая прямолинейность рисунка, прямые и косые углы, торчащие пиками, направленными в глаза зрителя, в наши глаза.

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!*

Это проявилось в самом конце века модерн, в конце эпохи разума, в конце строительства Города – в начале тупика, где мы оказались.

* Павел Коган. Гроза. 1936.

Больше уже ничего хорошего с Городом не случилось!*

Эти решетки рисовал на листах бумаги Мастер, набрасывал, торопился, падали на пол листы черновиков, он работал, отходил от стола, смотрел с расстояния, как это будет, – вот с этой, противоположной стороны улицы, и от ее угла, и от угла противоположного...

Как это будет утром, когда тень балконная под утренним солнцем ляжет на стену, косо, и будет на этой стене жить, перемещаясь.

Как это будет вечером, когда прохожий идет уличным странством домой, идет не торопясь или бежит, опаздывая.

Как это будет ночью, особенно если выдастся знаменитая одесская неповторимая и никогда нигде не бываемая лунная ночь.

«Архитектор расстрелян»

Это убийственное сочетание слов придумал Сергей Довлатов, идя от имени великого русского архитектора Варфоломея Растрелли и глядя на жизнь своих соотечественников.

Посмертная реабилитация это оскорбительная глупость. Посмертный расстрел Мастера, подарившего нам красоту, это преступление!

Мы теряем эту красоту. С каждым днем, с каждым годом, с каждым часом.

Эта книга говорит о том, что в Городе жили люди, нуждающиеся в красоте мира. В выражении этой красоты, отблеском легшей

* Возник еще спустя множество лет безвременья новый советский стиль, сталинской незабвенной эпохи, названный кем-то, беспечным насмешником, «ампиром во время чумы», и был он, «стиль вампир», действительно стилем – попыткой отдышаться, охватывал все, архитектуру и лепнину, рисунок оконных наличников и решеток, независимо от «советского, самого в мире прогрессивного» содержания, основываясь на форме, но воздух, которым дышала эпоха, мало подходил для свободного дыхания, и каждое живое дыхание тогда ставилось на правож и в счет («каким воздухом дышите?» – был основной вопрос этого времени, а ответы мы знали), и удивительный этот стиль умер, так и не возмужав. Он остался в немногих городских строениях, остался тайной запиской, несмелой, нам, потомкам, чтобы знали, как тяжело приходилось нашим родителям и какие они были смелые и хорошие люди! (Прим. автора)

на объем и рисунок наших улиц и зданий, наших привратных тумб и флагштоков, наших ворот и решеток.

Она говорит и о нас, сегодняшних. Если пройтись по Городу, всматриваясь в эту красоту, завещанную нам предками, легко убедиться, что завещание не нашло наследников.

Был Город, украшенный красотой и музыкой литых и кованных решеток.

Теперь он стал городом за решеткой.

Жизнь сельского жителя горизонтальна.

Эта жизнь прижимает человека к земле тяжестью беспредельных космических пространств, страшным грузом мириад звезд, каждой из которых достаточно, чтобы человека раздавить и сплющить, чтобы лишить его Душу надежды и веры...

Мы, горожане, поднимаем глаза к небу.

Это заставляет встать, не лежать пластом, не сидеть, горестно охватив руками колени, но встать во весь рост и протянуть руки в высоту улицы, приветствием и объятьем. Так растет на наших улицах дерево.

Наше городское пространство объемно. Мы впускаем в городской интерьер природу, над головой полосой неба, и в ней группу звезд, и улица города, ее вертикальное пространство, выбирает, отделяет и вырезает каждый раз новую звездную систему, и у каждой улицы есть свое созвездие, наши городские зодиакальные знаки. Каждой нашей улице соответствует в высоте неба своя собственная звезда!

Мы впускаем в наш городской интерьер полосу неба и дерево, поставленное на перекрестке улиц, украшением и напоминанием о том, что здесь с нами случилось, памятным говорящим знаком, и в этом пространстве уличном мы живем, как в своем доме, где подобрана к нашей душе каждая деталь, где луна в высоте улицы звучит как люстра и означает вечер, начало ночи, покой, и она теплом согревает сердце – где облака, несущиеся над крышами зданий, говорят что-то важное нашему сердцу, успокаивая или предупреждая...

Ты здесь, на улице, у себя дома!

Так и наши балконы, прозрачные, невесомые, надежные, – они под стать этому небу и этому дереву, рядом с которым выросли, ветви которого нежным прикосновением ласкают балконную решетку. Странная вещь, но дерево и дом, ветви дерева, мягко плывущие в вечерних сумерках под ветерком, они всегда родственны балкону, его решетке, и ветви переплетаются с линиями решетки, рождая неповторимый узор.

На самом деле стиль, стилевые признаки времени это музыка нашей души, неповторимая, своя у каждого, и общая мелодия Города, который один на всех.

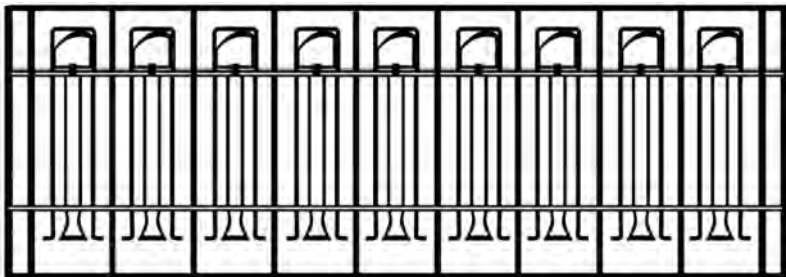
Ты изменяешься, изменяются обстоятельства времени и жизни, женщины тебе изменяют или остаются верны, на твою голову, но Город всегда с тобой, с мальчишкой, с юношей, со зрелым мужчиной и со стариком, и для каждого тебя у твоего Города есть своя мелодия, чтобы ободрить, чтобы успокоить, чтобы обнадежить...

Ребята, которые выполнили эту колоссальную работу, молодцы. Удивительно, что они вообще отыскались в наши сиюминутные дни. Это ведь колоссальный труд, и если присмотреться к выполненным прорисам решеток, видно, что они созданы, сотканы и вылеплены из любви.

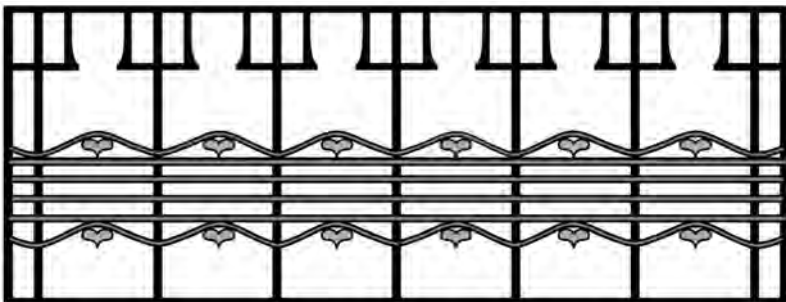
Создание этой книги было работой археолога, открывателя потерянного мира. Рука, восстанавливающая решетку, повторяла рисунок Мастера, восстанавливая биение его сердца. Эта книга есть прикосновение к нашему прошлому, к тем, кто рисовал Город, кто думал о нас, зная, что никогда не увидит, но веря, что мы услышим его музыку...

Смеются решетки, но у этой нахмурены брови, а вот эта, пока идешь от угла квартала, она и так и эдак вертится-поворачивается, только чтобы ее заметили, а уж там, заметивши, не оторвать восхищенных глаз!

Остановись, полюбуйся, скажи ей несколько слов, тихо, про себя, чтобы не удивлять прохожих, и решетка тебя услышит, обрадуется, повеселеет... И тот, кто ее так задумал, множество лет назад живший здесь и тебе неизвестный, там, где он сейчас есть, – услышит тебя!

Успенская, 10

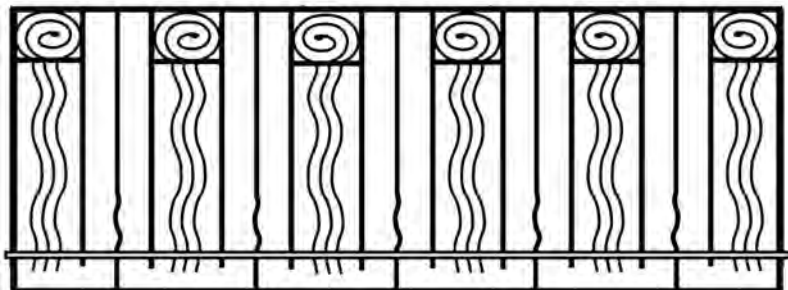

Коблевская, 38-А, арх. Л.М. Чернигов, конец XIX века

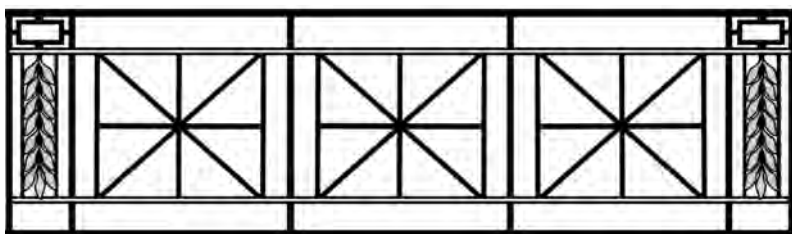
Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Неразрушаемая связь.

Осип Мандельштам

Неразрушаемая связь...
Но если она будет окончательно нарушена, распадется связь
времен, связь слова и музыки, связь каждого из нас с каждым
из нас.

Маразлиевская, 3, арх. А.О. Бернардацци, 1887 год

Пушкинская, 38, 1910-е годы

Поднимите голову!

Хватит бежать крысиной побегой с кошелюю на базар, с портфелем на работу, с номерком в очередь. Все это никуда не денется и подождет. Поднимите голову, научитесь читать и видеть. Пора расслышать музыку, в которой мы рождены!

Музыку, из которой соткана наша душа.

